

М а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ОБРЕТЕНИЕ АДА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Иллюстрация на переплете *В. Петелина*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Обретение Ада / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-180287-5

Агенты ЦРУ плотно обложили разведчика-нелегала Юджина. Его арест практически неизбежен. Юджин – важнейший российский резидент, и его необходимо спасти. Руководство решает перевести его в Германию, разработав головокружительную по сложности операцию. Но маховик масштабной погони уже раскручен. В смертельной схватке сошлись лучшие аналитики и оперативники русской, американской и немецкой разведок. И в центре всего – Юджин, человек без имени и без нервов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180287-5 © Абдуллаев Ч. А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Смотрю на правую сторону и вижу, что никто не признает меня: не стало для меня убежища, никто не заботится о душе моей.

Псалтырь, псалом 141,4

Автор выражает благодарность всем бывшим и настоящим сотрудникам КГБ—ФСК—ФСБ—СВР за их помощь в создании этой книги. Автор предупреждает, что данный материал не может быть использован в суде в качестве свидетельских показаний.

Часть 1

ЕГО ПРОШЛОЕ

Прага. 8 января 1991 года

Он терпеливо ждал появления связного. Его удивил этот неожиданный вызов, когда звонивший потребовал столь срочной встречи. Впрочем, после провалов в Великобритании и Франции они наверняка должны были забеспокоиться. И начать действовать, не ожидая, когда будет раскрыта еще одна цепь агентурной разведки КГБ в мире.

Он вздохнул. Падение Берлинской стены сделало их всех заложниками этой ситуации, когда объединившаяся Германия поглотила не только восточногерманское государство, но и одну из самых эффективных спецслужб мира — разведку ГДР, делавшую так много полезного для своего союзника по Варшавскому блоку. Одновременно были развалены и достаточно эффективные польская и чехословацкая разведки. Это был не просто развал старого мира, это был развал всей системы разведывательных операций за рубежом, когда КГБ и ГРУ лишились почти всех своих союзников. И поэтому приходилось срочно латать старые дыры и избавляться от ставших обременительным балластом агентов, уже попавших под наблюдение других спецслужб.

Связной опоздал на десять минут. И появился, как всегда, нервничая. Хотя он, по логике вещей,

мог не беспокоиться. Он пользовался дипломатическим иммунитетом, и у него был свой зеленый паспорт дипломата, который поможет ему в случае провала благополучно выехать из страны, избежав ареста. В прежние времена об этом даже не думали. Прага была так же безопасна, как Киев или Минск. Сотрудники посольства и КГБ чувствовали себя в братских социалистических странах почти как у себя дома. И вот все рухнуло. В Чехословакии, к счастью, обошлось без подобию румынских эксцессов. Произошла «бархатная» революция, социалистический режим был развален мирно и без кровопролития. И пришедший теперь связной из посольства действовал уже в другой стране и с другими условиями работы. Это и предопределяло все его нервные ужимки. Они знали друг друга в лицо достаточно давно, поэтому обошлись без ненужных паролей и приветствий.

Связной сел рядом с резидентом на скамью.

— Как дела? — спросил он, доставая сигареты.

— Это я должен спрашивать, — пробормотал резидент, — может, вы наконец объясните столь срочный вызов? Я бросил все свои дела, чтобы примчаться сюда.

— Правильно, — сказал связной, — получен новый приказ из Москвы. Срочно сворачивайте всю работу и выезжайте в Болгарию, оттуда можете вернуться в Москву, вам будут подготовлены соответствующие документы.

— В Болгарию, — усмехнулся резидент, — у них такой же бардак, как и везде. Раньше из Западной Европы ездили через ГДР или Чехословакию. Новые времена?

— Мне не поручали обсуждать с вами такие детали, — нервно заметил связной.

— Конечно, не поручали. Значит, конец. — Резидент вздохнул, поднимаясь со скамьи. Он знал, что задерживаться во время подобных встреч нельзя. — Передайте, я все понял. Завтра утром вылетаю в Софию. Канал связи прежний?

— Да, — сегодня связной нервничал более обычного.

— Вас что-то беспокоит? — спросил резидент.

— Нет-нет, ничего. Просто мне хотелось бы скорее закончить нашу встречу. Что у вас по нашей группе войск в Германии? Вы подготовили все документы?

— Да, конечно. Я возьму их с собой. Очень неприглядная картина.

— Я передам в Москву. В Софии вас будут ждать.

— Прощайте, — кивнул резидент.

— Прощайте, — поднялся связной, — желаю успехов.

И ушел не оглядываясь.

«Какая глупость, — подумал резидент. — Именно сейчас, когда у нас столько потерь, сворачивать работу в ГДР и Чехословакии». Может, им нужны результаты работы его группы? Но почему такая спешка? Он мог бы принести еще много пользы. Да и полученные материалы позволяют сделать очень неприятные выводы. Напрасно его отзывают. В таких случаях нельзя было возражать, но они могли бы узнать и его мнение. Резидент посмотрел на часы и заторопился к своей машине. Он уже видел свой автомобиль, уже доставал ключи из кармана, когда внезапно почувствовал сильный толчок в спину. И сразу ощутил боль. Резидент был сильным чело-

веком. Он еще успел повернуть голову и увидеть стрелявшего, а увидев — удивиться. И это удивление было последнее, что он испытал в своей жизни. Второй выстрел в сердце свалил его на землю.

Стрелявший оглянулся. На этой тихой улочке обычно никого не бывало. Он убрал оружие с надетым глушителем в карман длинного пальто и наклонился над убитым. Когда через полчаса прибыла полиция, она обнаружила уже начинавший холодеть труп.

Москва. 9 января 1991 года

Они были в кабинете втроем. Разговора не получалось. Один из сидевших за столом сознавал, что это его последний визит в Кремль. Больше его сюда никогда не позовут. А если и позовут, то по случаю очередного юбилея или какого-нибудь праздника, на который он должен явиться, нацепив все свои награды. Рядом с ним сидел другой генерал, его многолетний друг и ныне руководитель. Первый из генералов знал, что решение о его отставке принималось непосредственно в Политбюро. Без согласия с самим Президентом убрать фигуру такого масштаба, как он, не могли. И поэтому он почти спокойно сидел напротив Президента страны и слушал его путаную, нечеткую речь с характерным южнорусским говором.

— Мы благодарим вас за службу, — в который раз сказал Президент, — вы всегда бывали почти на передовой. Кажется, мы вас не жалели.

Генерал слушал его молча. Он уже успел высказать свое мнение о надвигающихся событиях, но

Президент, как обычно, часто перебивал, не давал закончить фразы, задавал вопросы. Все было ясно. Теперь в услугах генерала больше не нуждались. Один из самых лучших специалистов КГБ отправлялся в почетную ссылку, в «райскую группу» генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. По должности в нее входили маршалы и генералы армии, уже отошедшие ото всех дел и получавшие эти надуманные посты. Генерал понимал, что он — выброшенная карта. Январское противостояние в Литве он уже не возглавит. Президент сдает его, уступая давлению. Сейчас все говорят о наступлении консервативных сил, и Президент, как всегда, маневрирует, отправляя в отставку самого яркого, как ему самому кажется, представителя этих сил.

Генерал армии Филипп Денисович Бобков работал в органах КГБ почти полвека и занимал должность первого заместителя председателя КГБ СССР. В последнее время нападки именно на него особенно усилились, так как Бобков возглавлял знаменитое Пятое управление КГБ СССР, боровшееся с идеологической диверсией внутри государства и фактически являвшееся куратором творческих союзов, научных и культурных учреждений на местах. Горбачев не мог и не хотел больше терпеть этого генерала. И сегодня наконец принял решение расстаться с ним. Как обычно, он много говорил о заслугах генерала, а в конце вдруг добавил:

— Сложные наступили времена для всех нас. Детям и внукам нелегко придется.

Бобков изумленно посмотрел на него. Потом на сидевшего рядом с непроницаемым лицом председа-

теля КГБ Крючкова. Но тот молчал. И Бобков тоже промолчал.

В Комитет государственной безопасности они возвращались в автомобиле Крючкова. Бобков, сидевший рядом, вдруг спросил, обращаясь к своему бывшему руководителю:

— И что ты про все это думаешь?

— Не знаю, — признался Крючков, — просто не знаю. Сам удивляюсь.

— Думаешь, что-нибудь изменится?

Крючков молчал. Он думал, можно ли доверить новости своему старому знакомому, генералу, которого он знал несколько десятилетий и в чьей честности и порядочности не сомневался. И наконец решился. Все-таки сегодня был такой день.

— Поднимемся ко мне, — предложил Крючков, не решаясь говорить даже в своем автомобиле.

Сегодня в свой большой кабинет он вошел вторым, первый раз в жизни он пропустил сначала Бобкова впереди себя. Пройдя через кабинет, они вошли в комнату отдыха, поражавшую всех своим строгим аскетизмом. Крючков, не любивший горячительных напитков и наложивший строгий запрет на их употребление сотрудниками КГБ, сам достал бутылку водки, решив, что сейчас можно сделать исключение. Разлил спиртное в две рюмки и, протянув одну своему бывшему первому заместителю, вдруг сказал:

— Все будет хорошо.

Бобков понял. Он не стал ничего спрашивать. Просто все понял. Для этого он слишком много лет работал в КГБ.

— Спасибо тебе, — сказал он, поднимая рюмку.

— За детей и внуков, — добавил председатель КГБ.

И больше ничего не сказал. Он не сказал даже такому проверенному человеку, как Филипп Бобков, что уже вчера по распоряжению Президента страны он приказал аналитикам готовить документы о возможности введения в стране чрезвычайного положения. Впрочем, Бобков все понял сам. И не стал задавать никаких вопросов.

Нью-Йорк. 10 января 1991 года

По этим длинным коридорам он ходил уже много лет. Теперь, направляясь к своему кабинету, расположенному в правом крыле здания, заместитель директора ЦРУ Александр Эшби уже не торопился. Достигнув столь высокого положения, он мог позволить себе самому назначать время встречи для приема очередных гостей. А гости сегодня должны были приехать из ФБР. Эшби не любил эту организацию, как все разведки не очень жалуют контрразведку. По их глубокому убеждению, в контрразведке сидят никудышные профессионалы, так и не сумевшие утвердить себя на другом поприще, в том числе и в разведке. Кроме того, разведчикам всех стран была неприятна сама мысль, что в мире существует слишком много организаций, специализирующихся в том числе и на их провалах.

Войдя в приемную, он кивнул своему секретарю, всегда сдержанной и строгой миссис Хейворд, и прошел в свой кабинет. Эшби даже не успел открыть лежащую на столе папку с приготовленными для него документами, когда звонок миссис Хейворд возвестил, что посетители уже ждут встречи с ним. Эшби

посмотрел на часы. Эти ребята появились с потрясающей точностью, минута в минуту. Он закрыл папку и поднялся, собираясь встретить представителей ФБР. Дверь открылась, и в комнату вошли два человека. Одного он не знал. А вот второго...

Это был знаменитый Томас Кэвеноу, одна из лучших ищеек ФБР, специализирующийся на поимке иностранных шпионов и имеющий в своем активе немало достижений. Темнокожий Кэвеноу работал в органах ФБР еще со времен Гувера и сумел стать одним из лучших специалистов в своем деле, несмотря на традиционное недоверие к нему в начале карьеры. Эшби знал его уже много лет. Поэтому, увидев их, он, улыбаясь, пошел навстречу, протягивая руку.

— Добрый день, мистер Кэвеноу. Я не думал, что пришлют вас.

— Они решили вспомнить о таком старом специалисте, как я, — проворчал Кэвеноу и показал на своего спутника, — это Билл Хьюберт, раньше он работал у меня в отделе.

— Я рад видеть вас, мистер Хьюберт, — пожал и ему руку хозяин кабинета.

— Кажется, мы не виделись уже несколько лет, — напомнил Эшби.

— Шесть, — подтвердил Кэвеноу, — ровно шесть лет. С тех пор, как мы вынуждены были отпустить из тюрьмы одного подозреваемого.

Эшби кивнул ему, вспоминая тот случай.

— Вы помните его до сих пор?

— Я убежден до сих пор, что это был русский шпион, — угрюмо ответил Кэвеноу, — просто мы не смогли тогда этого доказать. А потом он уехал из Америки.

— Да, — подтвердил Эшби, — я помню то давнее дело. Тогда я был начальником отдела и был в курсе ваших решений. Но это уже история.

— Нам тогда просто не повезло, — упрямо заметил Кэвеноу, — и он ушел от нас. Мы не смогли его достать.

Эшби не ответил. У него были свои причины молчать. И он не собирался больше вспоминать о том досадном случае.

— У вас ко мне дело, — напомнил он, чтобы отвлечь посетителей от неприятных воспоминаний.

Кэвеноу кивнул и стал излагать причину, побудившую их приехать в Лэнгли. Разговор занял около получаса. Лишь прощаясь, Эшби позволил себе снова вспомнить то дело.

— До свидания, мистер Эшби, — сказал Кэвеноу. — У вас больше не было никаких сведений о нашем бывшем подопечном?

— Он, кажется, в Канаде, — заметил Эшби, и Кэвеноу замер, посмотрев ему в глаза. Но, не сумев ничего прочесть, гость отвернулся и вышел первым из кабинета. Следом вышел Хьюберт.

Лишь после ухода гостей Эшби, словно вспоминая что-то, позвонил миссис Хейворд.

— Пригласите ко мне мистера Бэннона. И найдите Уильяма.

— Его нет на месте, — почти сразу ответила миссис Хейворд.

— Найдите, — попросил Эшби, — мне он очень нужен.

Только через полтора часа он наконец увидел в своем кабинете Уильяма Тернера. Это был еще молодой человек тридцати пяти лет. Буйная шевелю-

ра и небрежность в одежде не соответствовали его изумительным аналитическим способностям, которым Эшби отдавал предпочтение. Сам прекрасный аналитик, прошедший суровую школу ЦРУ, Эшби ценил толковых сотрудников, не обращая внимания на постоянную небрежность Тернера в одежде и в стиле работы. Тернер мог вполне опоздать на вызов высокого начальства, мог вообще не приехать в свой отдел вовремя. Но все знали, что порученную ему задачу он всегда решает феноменально простым и самым быстрым способом. Вот и сейчас Тернер появился в кабинете Александра Эшби без галстука, но зато с весьма довольной физиономией.

И почти сразу, словно он ожидал в приемной за дверью, появился руководитель специальной группы, созданной в ЦРУ три года назад, мистер Арт Бэннон. В отличие от своего коллеги это был коротышка с большой теменной лысиной, одевающийся всегда, даже летом, в подчеркнута строгие темные костюмы. Полковник Бэннон был офицером, имеющим опыт работы в Пакистане и в Африке. Последние годы, по предложению самого Эшби, он возглавлял в ЦРУ специальное подразделение внутренней контрразведки, одно из самых элитарных подразделений ЦРУ.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил Эшби.

— Ребята поработали на компьютере, — сообщил Тернер, — я сидел в аналитическом управлении и попросил отключить все телефоны.

— Я искал вас полтора часа, — заметил заместитель директора ЦРУ.

— Мне сказали, — чудовищно беззаботным тоном сообщил Тернер, — но мы отключили все телефоны

и здорово поработали. Кажется, нам удалось установить шифр восточных немцев, который они использовали у нас. Ключ был в тех самых документах, которые мы изъяли в Берлине.

Бэннон немного нахмурился. Ему не нравился ни вид молодого повесы, ни его развязный тон. Но в кабинете Эшби он предпочитал молчать.

— Интересно, — согласился Эшби, — нужно выяснить, не использовался ли подобный шифр и на территории Западной Германии.

— Вы думаете, там остались восточногерманские шпионы? — понял Бэннон.

— Конечно, остались. И мы смогли бы при соответствующем подходе переориентировать этих людей, предложив сотрудничество с нами, — очень выразительно заметил Эшби.

— Да, — согласился Бэннон, — это очень перспективная идея.

— Что у нас по Вакху? — спросил Эшби. — Я надеюсь, вы помните, что это ваш главный объект.

— Да, конечно. Он по-прежнему живет в Торонто. За последние три месяца был дважды в Америке. В основном приезжал в Нью-Йорк и Вашингтон. Мы составили список людей, с которыми он встречался. Как всегда, ничего необычного. Его деловые партнеры, помощники, юристы фирмы.

— К нему кто-нибудь приезжал?

— Почти никто. Его помощник, его юрист и конгрессмен от штата Луизиана. Я вам об этом докладывал. Она прилетала к нему несколько раз. Причем билеты каждый раз покупал он сам — туда и обратно. Похоже, у них просто любовная интрижка.

Бэннон докладывал, как всегда, сухо и скучно.

Уильям Тернер оживился.

— Кажется, у вас есть свой особый объект?

— Поэтому я вас и пригласил, — кивнул Эшби. —

Я хочу, чтобы вы со своими ребятами подключились к группе Бэннона. Вот уже несколько лет они ведут разработку одного очень перспективного дела, но пока не могут найти никаких серьезных подтверждений своей версии.

— Они ведут наблюдение за определенным человеком, — понял Тернер.

— Да. И этот человек, по нашим предположениям, один из главных резидентов советского КГБ в этой части света. Шесть лет назад он был даже арестован по подозрению в шпионаже, но у ФБР против него ничего не нашлось. И тогда его отпустили, после чего он перебрался в Канаду, — сообщил Эшби. — Я лично тогда занимался этим делом. И считаю, что советская разведка просто смогла обмануть нас, подставив вместо него другого агента.

— Каким образом? — поинтересовался Тернер.

— Шесть лет назад вместе с англичанами мы вели сложную игру против их разведки. Тогда мы были убеждены, что их главный резидент — Вакх, как называли его тогда в ФБР, арестован. Но русские придумали против нас гениальный трюк. Они отпустили находившегося под наблюдением уже проваленного резидента английской разведки полковника Олега Гордиевского. И прислали к нам своего лжеперебежчика Юрченко.

— Я слышал об этом деле, — кивнул Тернер, — но не знал подробностей. Кажется, Юрченко выдал нескольких человек и снова вернулся в СССР?

— Вот именно, — продолжал Эшби, — он выдал нам Пелтона. И мы просто обязаны были отпустить этого Вакха. Мы тогда не имели против него никаких доказательств. Предательство Пелтона вынудило нас поверить в то, что именно он был главным информатором советской разведки о наших электронных и компьютерных разработках. Тогда полетели многие головы. Ушел в отставку даже Роберт Макфарлейн, помощник Рейгана по национальной безопасности. Мы еще тогда подозревали, что советская разведка ведет с нами интересную игру. И после повторного бегства Юрченко наши предположения подтвердились.

— Вакх — это советский агент-нелегал? — понял Тернер.

— Вот именно. Знакомьтесь, Кемаль Аслан. Родился в Филадельфии в 1946 году. Отец — турок, мать — болгарка. Вот их фотографии. В начале пятидесятых они возвращаются в Болгарию. После смерти отца Кемалья мать увозит его на родину.

— Он получил американское гражданство при рождении, — понял Тернер.

— Потом они поселились недалеко от Софии в маленьком городке Елин-Пелин. Там и прошло детство Кемалья, его юные годы. Потом он поступил в институт, окончил его и уже начал работать, когда попал в страшную катастрофу и получил серьезные травмы, даже временную кому.

Тернер внимательно слушал.

— Врачам удалось вывести его из этого состояния. Потом за ним приехал его дядя, живущий в Турции. Другой брат его отца — Юсеф Аббас — жил в это время в Хьюстоне. В семьдесят четвертом Кемаль переехал к дяде в Измир, а через год уже к другому

дяде в США. Осел в Хьюстоне, через несколько лет женился. Жена — Марта Саймингтон из очень известной семьи. Ее отец был самым известным бизнесменом Техаса.

— Нефтяное оборудование семьи Саймингтон, — кивнул Тернер, — я читал про них много интересного.

— От этого брака у Кемалья Аслана был один сын, родившийся в семьдесят девятом. Теперь ему уже двенадцать лет. После смерти своего дяди Кемаль Аслан возглавляет фирму и через несколько лет добивается поразительных успехов в бизнесе. В ноябре восемьдесят третьего Кемаль переехал в Нью-Йорк. Через два года он развелся с женой, но с сыном продолжает встречаться довольно часто. У нас были серьезные основания для его ареста. Поступили сообщения, что КГБ знает практически все обо всех наших операциях, так или иначе затронутых поставками оборудования с предприятий Кемалья Аслана или связанных с ним поставщиков. Но арест Пелтона спутал тогда все планы. Теперь мы понимаем, что русские специально подставили нам Пелтона, чтобы вытащить из-под удара Кемалья Аслана. Но это пока только наши предположения.

— Эта конгрессмен из Луизианы — его женщина? — спросил Тернер.

— Да, — ответил Бэннон, — раньше она была даже вице-губернатором штата. Они встречаются уже много лет.

— И больше ничего? — изумленно спросил Тернер. Бэннон отвернулся.

— Они работают с ним три года, но пока нет никаких конкретных результатов, — сказал Эшби. — Нам интересно и ваше мнение, Уильям. Мы могли

бы направить вас в командировку в Болгарию. Теперь, когда рухнул «железный занавес», это совсем не трудно. Кроме вас, полетит Томас Райт. Он вам поможет. Райт работал и раньше в Болгарии, хорошо знает обстановку в стране, говорит сразу на нескольких славянских языках, в том числе и на болгарском.

— Вы хотите, чтобы я проверил его биографию? — понял Тернер.

— И вообще всю его жизнь, — кивнул Эшби. — Мы должны знать, кто он на самом деле. Завербованный КГБ несчастный турок, случайно оказавшийся у них на крючке, или резидент-нелегал, профессиональный офицер КГБ. Согласитесь, это многое меняет.

— Есть еще третий вариант, — пробормотал Тернер.

— Какой? — оживился Бэннон.

— Может, он вообще ни при чем и мы ошибаемся, — улыбнулся Тернер. — Такой вариант вы исключаете?

Бэннон фыркнул от негодования. Эшби раскрыл папку с личным досье Кемалья Аслана.

— Не может, — спокойно сказал он, — вот его донесения в Москву. Он их агент. И мне нужно знать только одно. Он настоящий Кемаль Аслан или подставное лицо? Вот что мне нужно срочно выяснить. Поэтому нам и понадобилась ваша помощь.

Москва. 10 января 1991 года

В последние дни его больше всего волновало положение в Прибалтике. Особенно в Литве. Неудачная поездка в Литву Михаила Сергеевича, так и не сумевшего убедить литовцев в неправильности их

пути, откровенно националистические лозунги в Вильнюсе, нескрываемая пропаганда за выход республики из Союза — все это не могло не волновать председателя КГБ. В прошлом году, как раз в это время, они не смогли взять ситуацию под свой жесткий контроль, и в Баку пролилась кровь. А введенные затем войска только усугубили положение, расстреляв сотни случайных горожан. Теперь в Литве нужно было не допустить ни тбилисского развития событий апреля восемьдесят девятого, ни бакинского — января девяностого.

Крючков с возрастающим изумлением и горечью получал сообщения из разных концов страны о нарастающем хаосе, развале страны, полной дезориентации властных структур на местах. Ставший председателем КГБ лишь при Горбачеве, в восемьдесят восьмом году, он встал во главе самой крупной спецслужбы мира и с ужасом убеждался, что возможности КГБ далеко не беспредельны. Даже внедренные в литовский «Саудис» сразу несколько десятков платных агентов КГБ не смогли переломить ситуацию в республике. Впрочем, годом раньше подобная история случилась и в Баку. Там тоже в руководстве Народного фронта Азербайджана было достаточно агентов КГБ. Но вместо того, чтобы своевременно информировать руководство республиканского КГБ о надвигающейся угрозе, они сами становились главными зачинщиками беспорядков, считая, что таким противоестественным образом снимают с себя подозрения в причастности к агентуре госбезопасности.

Сегодня утром он наконец принял решение, решив перебазироваться в Литву специальному подразделению КГБ — группе «А», которая уже успе-

ла отличиться двенадцать лет назад, взяв дворец Амина в Кабуле. Журналисты называли эту группу «Альфой», но в документах КГБ она проходила как группа «А». И, разрешив поездку группы в Вильнюс, Крючков понимал, что остановить уже ничего нельзя. Маховик был запущен. Целый день он думал только о Литве, когда вечером позвонил новый начальник Первого главного управления, руководитель советской разведки, ставший его преемником, — Леонид Владимирович Шебаршин.

— Владимир Александрович, у меня есть срочное сообщение, — доложил своим красивым голосом Шебаршин.

— Приезжайте ко мне, — разрешил Крючков.

Из Ясенева, где находился главный центр советской разведки, Шебаршин доехал за полчаса. Еще через пять минут, уже в кабинете Крюčkова, он коротко докладывал о случившемся в Чехословакии.

— Убит наш резидент в Праге. Мы узнали об этом только вчера. Он должен был лететь в Болгарию.

— Как убит? — нахмурился Крючков. — В посольстве должны были знать.

— Это не местный резидент, — пояснил Шебаршин, — убили Валентинова.

Михаил Валентинов был специальным резидентом КГБ, отвечавшим за границу между Чехословакией и Германией. После развала ГДР в руководстве КГБ решили таким образом усилить местные резидентуры ГДР и Чехословакии. Валентинов работал автономно от резидентур КГБ в Берлине и Праге со специальным заданием.

— Подробности известны? — спросил Крючков.

— Последним его видел наш связной. Валентинов был убит у своей машины. Видимо, сразу после встречи со связным.

— В Праге знали о его миссии?

— В нашей резидентуре никто не знал, — сообщил Шебаршин, — вообще непонятное убийство. Связной сообщил, что Валентинов обещал привезти в Софию документы работы его группы.

— А где документы? — нахмурился Крючков.

— Не нашли, — глухо произнес Шебаршин. Ему было неприятно это говорить, но он сумел произнести эти два слова.

— Как это «не нашли»? Убийца похитил документы, — окончательно разозлился председатель КГБ, — это же самое настоящее ЧП!

— У нас нет сведений, что документы попали в чьи-то чужие руки. За несколько минут до смерти Валентинов сказал связному, что у него есть документы, рисующие «очень неприглядную картину». Он так и сказал — «неприглядную картину». И обещал привезти документы в Софию. Но связному кажется, что документов в тот день у нашего резидента не было. Он обещал взять их с собой в Софию.

— Почему вы придумали ему такой непонятный маршрут?

— Нам казалось, так будет надежнее. Лететь прямым рейсом в Москву он не мог, вы же помните: он действовал по паспорту болгарского гражданина. Мы не хотели рисковать.

— И получили в результате труп Валентинова, — подвел итоги Крючков. — Вы считаете это нормальным?

— Я уже распорядился. Мы постараемся найти документы и выйти на возможных убийц нашего резидента.

— Кто знал о его задании?

— Практически никто. Но мы проверяем всех наших офицеров. Самое главное, что Валентинов не оставил документов ни в Берлине, ни в Праге, мы проверяли. В этом деле все достаточно запутано.

— Сейчас много непонятного, — горько сказал Крючков, — пошлите специалистов, профессионалов. Подключите, если нужно, местную резидентуру. И вообще нам необходимо пересмотреть работу одиннадцатого отдела¹. Или его расформировать, или называть по-другому. Нужны другие формы работы. И проверьте свою агентуру.

— Да, — согласился Шебаршин, — сейчас нужно все менять. Видимо, нужны новые люди. Старые достаточно себя скомпрометировали. Кроме того, многие из них известны на местах. Мы как раз исходим из того, что нужно постепенно отказываться от их услуг, вводя новых людей.

— Конечно, — согласился Крючков, — работайте на перспективу. Мы пока не знаем, чем все это кончится.

И вдруг он сказал слова, которые не должен был говорить, просто не имел права:

— Может, нам еще придется все восстанавливать в разрушенных соседних странах.

¹ Одиннадцатый отдел ПГУ КГБ занимался социалистическими странами. Они традиционно считались союзниками, а местные резиденты КГБ были почти официальными «вторыми послами».

Шебаршин понял все с одной фразы. Он кивнул головой.

— У нас возникла еще одна проблема, Владимир Александрович, — осторожно сказал он, понимая, что нужно изменить тему разговора. — ЦРУ получило некоторые сведения о Юджине.

— Только этого не хватало, — окончательно расстроился Крючков, — откуда у них могут быть такие сведения? Вы проверяли информацию? Кто ее вам передал?

— Это сообщение Циклопа, — очень тихо сказал Шебаршин. Об агенте Циклопе знали в КГБ лишь несколько человек. И практически никогда не говорили. Это был самый ценный агент КГБ в ЦРУ. К тому же именно ему поручали разработки новых операций ЦРУ против КГБ. Циклоп был наиболее важным агентом КГБ в начале девяностых. Но Юджин был не менее ценным агентом, которого Крючков знал лично.

Он хорошо помнил Юджина. Семнадцать лет назад он лично вместе со своим покойным шефом Юрием Владимировичем Андроповым отправлял офицера КГБ в это трудное путешествие. Юджину удалось продержаться целых семнадцать лет. Это было невероятно, невозможно, но он держался. И если Циклоп был штатным сотрудником ЦРУ, согласившимся работать на КГБ, то Юджин был офицером советской разведки, нелегалом, работавшим в Северной Америке.

— Что думаете делать? — спросил Крючков. — Его нужно срочно отзывать.

— Будем отзывать, — осторожно начал Шебаршин, — но мы хотим сделать это с минимально воз-

можными потерями. Использовать Юджина для операции в Германии. Это облегчает его переход и позволяет проконтролировать большую часть денег, которыми он располагает. Да и операция в Германии очень важна.

— Это большой риск, — задумался Крючков, — вы хотите использовать Юджина в качестве наживки. А если нам порвут удочки?

Шебаршин молча смотрел на председателя КГБ. Он ждал его решения. Крючков закрыл глаза, вспоминая тот холодный день, когда они вместе с Андроповым приехали провожать Юджина. Как много лет прошло с тех пор! Покойный Андропов даже в страшном сне не мог представить себе, что произойдет лишь через несколько лет после его смерти. Крючков вздохнул. Шебаршин по-прежнему терпеливо ждал.

— Хорошо, — наконец сказал председатель КГБ, — делайте как считаете нужным. И держите под контролем ситуацию с нашими «бывшими агентами». Отработанный материал нам не нужен. Вы меня понимаете?

Шебаршин понимал все. Он встал, взял свою папку с документами. Кивнул головой.

— У Леонова будет достаточно работы и без вас, — сказал вдруг Крючков, — но я поручу, чтобы он занимался и этим делом.

И снова на лице руководителя советской разведки Леонида Шебаршина не дрогнул ни один мускул. Леонов был начальником аналитического управления, занимавшегося сбором и анализом информации. Шебаршин понял, почему Крючкову понадобился Леонов.

— Он дал согласие? — спросил Шебаршин.

Даже здесь, в святая святых огромной империи, в кабинете руководителя самой мощной спецслужбы мира, он не решился назвать имя человека, давшего согласие на предварительную отработку введения в стране чрезвычайного положения. Крючков его понял.

— Да, — сухо кивнул он. Крючков почти абсолютно доверял Шебаршину, во всяком случае, настолько, насколько мог в силу своего сухого педантичного характера. — Нам приказано подготовить материалы по введению чрезвычайного положения. И не только в Литве. Он согласен.

— Я вас понял. Мы проверим всю нашу агентуру на местах, в странах Восточной Европы, — сказал уже стоя Шебаршин.

— И обратите внимание на перспективу, — напомнил Крючков, — это сейчас очень важно. Именно так — работать с прицелом на перспективу.

Когда Шебаршин вышел, Крючков долго сидел один и только затем потянулся к телефону, набрал номер министра обороны страны.

— Добрый день, — скупо произнес он.

— Здравствуйте, — маршал, как и все военные, немного боялся и недолюбливал главу такого ведомства, как КГБ. Но неизменно был в ровных товарищеских отношениях с всеильным Крючковым, понимая, как невыгодно ссориться с этим человеком.

— Нам нужно встретиться. Это по нашему разговору вчера.

— По Прибалтике? — понял маршал.

— И по Прибалтике тоже. — Крючков сжал трубку сильнее. Он вдруг испугался, что их разговор могут подслушать. И хотя он прекрасно знал, что разговор

по ЭТОМУ телефону подслушать нельзя, никто не посмеет слушать телефон председателя КГБ, тем не менее он постарался закончить беседу и положить трубку. И, только положив трубку, вдруг подумал, что впервые за столько лет испугался неизвестно чего. Сознание этого испуга еще долго не давало ему сосредоточиться на текущей работе.

Будапешт. 13 января 1991 года

Йене Видак был многолетним агентом КГБ в Австрии. Он работал на КГБ еще с начала пятидесятых годов, когда это ведомство называлось совсем по-другому и его возглавляли совсем другие люди. Теперь, сидя в парке на скамейке, он невольно ежил-ся от холодного западного ветра. Западные «ветры» разрушили не только весь логический уклад его жизни. Они пробили брешь в «железной стене» и сделали австро-венгерскую границу, прежде служившую водоразделом между двумя мирами, просто географической линией между двумя соседними странами. Видак не понимал и не принимал происходивших перемен. Он их боялся. И сегодня утром, приехав из Вены, он невольно вспомнил те дни, когда мог без всяких опасений встречаться с представителями советской разведки в любом месте Будапешта, даже в официальных учреждениях. Увы, те времена прошли. Теперь Будапешт был не менее враждебным городом, чем Вена. Может, даже более, так как по непонятной логике волна антикоммунизма в бывших социалистических странах принимала характер бури,

обрушивающейся на головы бывших партчиновников спецслужб.

Видак посмотрел на часы, и в этот момент перед ним возник связной. Он не знал этого связного и невольно нахмурился. Разведчики не любят, когда приходится общаться с незнакомыми людьми.

— Добрый день, мистер Видак, — сказал связной, — вам привет от вашего дяди из Братиславы.

— Он ничего не просил вас передать? — спросил Видак.

— Вот эту фотографию, — связной передал старую, давно знакомую Видаку фотографию. Тот, взглянув на нее, вернул связному. Теперь все было в порядке.

— У меня сложности, — сказал Видак, — кажется, в Вене моя работа подходит к концу.

— Нет, — убежденно ответил связной, — ничего не изменилось. Вы вернетесь в Вену и будете работать как прежде. Связь через нашего представителя в Австрии.

— Как прежде, — усмехнулся Видак, — уже нельзя работать как прежде. Мир изменился. После расстрела Чаушеску и падения Берлинской стены все наконец поверили, что мир изменился.

— Это иллюзии, — спокойно парировал связной, — все остается по-старому.

— Только не для меня, — вздохнул Видак.

— Как это понимать?

— Я уже слишком стар.

— Вы решили прекратить с нами сотрудничать?

— Думаю, да.

— Вы серьезно подумали над этим?

— Конечно. Я считаю, что пора заканчивать. Все-таки сорок с лишним лет. И потом, я работал всегда

и на свою страну, не забывайте об этом. Прежней Венгрии уже нет. Не знаю, каким образом, но нынешние разведчики пока не смогли узнать о моем существовании. Подозреваю, что ваше ведомство приложило к этому руку. Но в любом случае я устал. И мне больше ничего не нужно. Да и прятаться в собственной стране — глупо и как-то обидно. Вы не считаете?

Связной молчал. Он пытался скрыть свое разочарование под маской равнодушия, но у него это плохо получалось. А может, во всем был виноват этот сильный западный ветер?

— Поэтому я и пришел на нашу встречу, — продолжал Видак, — на нашу последнюю встречу. Больше меня не увидите. Прощайте.

Ошеломленный связной даже не успел кивнуть на прощание, когда старик встал и зашагал от скамейки.

Видак уходил не оглядываясь. Кажется, он принял правильное решение. По дороге, когда пошел противный мелкий дождь, он нашел небольшое кафе и, зайдя внутрь, заказал себе любимый martini. И, лишь несколько согревшись, вышел на улицу, продолжая идти к вокзалу. Он так и не увидел, как возникла эта большая машина позади него. Просто услышал вдруг скрежет тормозов и удивленно оглянулся. Автомобиль отбросил его на несколько метров вперед и затем, словно для пущей верности, еще и переехал безжизненное тело. Когда к погибшему подбежали люди, он уже не дышал. А неизвестную машину так и не нашли.

Вечером этого дня из Будапешта ушло сообщение в Центр: «Видак отказался от дальнейшего сотрудничества. Считаем возможным использовать резерв-

ный вариант. Приняты меры к недопущению утечки информации».

На следующий день связной встречался уже с новым агентом, прилетевшим из Австрии и согласным на продолжение сотрудничества с КГБ СССР даже в условиях изменившейся Венгрии.

Торонто. 14 января 1991 года

Он выехал на трассу и включил радио. Передавали последние новости. Диктор в обычной свободной, несколько экспансивной манере сообщил последние вести из Литвы. В столицу этой советской республики были введены специальные подразделения КГБ и Советской Армии. Противостояние у парламента достигло своего пика, появились первые убитые и раненые. Диктор пообещал подробнее информировать своих радиослушателей через два часа. И он раздраженно отключился.

Шел январь девяносто первого года. На трассе, ведущей к центру Торонто, было довольно свободно, в это дневное время здесь не бывало тех характерных пробок, которые возникали к концу рабочего дня. Он посмотрел в зеркало заднего обзора. Кажется, никого нет. Впрочем, появлению нежелательных преследователей он уже не удивлялся. За столько лет, проведенных в Америке и Канаде, он привык и к их присутствию, и к их отсутствию.

Он прилетел сюда еще в середине семидесятых, когда мир содрогался в тисках «холодной войны», а сама Америка переживала шок после Вьетнама и Уотергейта. Отставка Никсона особенно больно

ударила по престижу американцев, сделав их посмешищем всего мира. Неудачная война во Вьетнаме, пятьдесят с лишним тысяч погибших и сотни тысяч раненых и искалеченных парней дорого обошлись Америке. Самым страшным был «вьетнамский синдром» — возникшее после фактического поражения сверхдержавы ощущение пустоты и растерянности у одних и гнева и разочарования у других за унижение, которому подверглась их страна. Фактически Уотергейт стал высшей точкой этого унижения и был закономерным итогом бурных шестидесятых и первой половины семидесятых. Выстрелы в Далласе и убийство президента Кеннеди, смерть Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди, вьетнамское поражение, уотергейтский позор Ричарда Никсона и, наконец, покушение на Джеральда Форда заставили американцев всерьез задуматься — куда и зачем идет их страна?

Именно в это время в США появляется молодой турецкий коммерсант Кемаль Аслан. Его дядя Юсеф Аббас — один из наиболее крупных предпринимателей-эмигрантов, сумевший закрепиться на юге страны и стать главой крупной нефтяной компании. Удачливый бизнесмен не имел детей и передал все своему племяннику. А племянник не только сохранил миллионы своего дяди, но и сумел основательно закрепиться в Америке и прибавить к уже полученным по наследству деньгам собственные миллионы долларов. По осторожным оценкам экспертов ЦРУ, состояние Кемалья Аслана оценивалось в сто пятьдесят миллионов долларов, и это было без учета ряда предприятий, где Кемаль Аслан не владел контрольным пакетом акций, но сохранял за собой достаточ-

но большие возможности и имел право решающего голоса.

Сейчас, направляясь к центру крупнейшего города Канады, он вспоминал, когда в последний раз обнаружил ведущееся за ним наблюдение. Кажется, это было во вторник. Он тогда выезжал за город. Кажется, контрразведчики везде мыслят одинаковыми категориями. Хорошо еще, что они не мешают ему в самом Торонто, иначе его жизнь превратилась бы в настоящий ад. Хотя наверняка они незаметно ведут его и в самом городе, но делают это достаточно квалифицированно и осторожно. Он проехал мимо расположенного в центре города Центрального парка Королевы и с Университетской авеню свернул на Куин-стрит, где находился известный своим комфортом и роскошью знаменитый «Шератон-отель». Именно в этом отеле всегда останавливался Питер Льюис, его юрисконсульт, прилетавший из Нью-Йорка. Оставив автомобиль на стоянке, Кемаль поспешил в бар, где уже восседал добродушный и рыхлый Питер Льюис.

Юрист не любил крепкие напитки, предпочитая заказывать пиво. Увидев Кемалья, он даже не встал, только поднял свою короткую полную руку.

— Как дела, мистер Льюис? — спросил, подходя ближе, Кемаль.

— Могли быть и лучше, — вздохнул Питер, — но, слава Богу, не так плохи.

— Последнее соглашение по калифорнийскому заказу должно было несколько улучшить наше положение, — заметил Кемаль.

— Ненамного, — проворчал Льюис, доставая свой «дипломат» с бумагами, — поднимемся ко мне в номер, я вам покажу все документы.

— Да, конечно, — согласился собеседник.

Они вышли из бара и, пройдя в холл, вызвали скоростной лифт на семнадцатый этаж. Кроме них, в лифт вошли еще двое, но в лифте никто не сказал ни слова. Ни вошедшие незнакомцы, ни сам Питер Льюис, ни его спутник. И только когда Кемаль Аслан и Питер Льюис вышли из лифта и зашагали по коридору, Питер шепнул идущему справа от него Кемалю:

— У меня в номере, кажется, они успели побывать.

— Конечно, успели. Передайте в Москву, что я проверил все заказы, идущие по линии Министерства обороны США. Развернуть в ближайшие десять лет программу защиты в космосе они не сумеют. Просто блефуют. Данные анализа их закупок позволяют говорить об этом с максимально вероятной точностью.

— Передам. Они разрабатывают программу вашего возвращения.

— Пора бы, — не удержался Кемаль, — что там происходит в Литве, вы что-нибудь понимаете?

— Честно говоря, знаю столько же, сколько и вы. Видимо, ничего хорошего.

Они дошли до номера Льюиса. Тот приложил палец к губам.

— И как видите, — громко сказал Льюис, — положение у нас достаточно неплохое.

— Безусловно, — подхватил Юджин.

Они вошли в номер. Хлопнула дверь. Из соседнего номера вышли двое незнакомцев и, подойдя

к висевшему слева светильнику, сняли небольшой прибор, фиксирующий разговоры в коридоре. Войдя в номер, они коротко доложили сидевшему в кресле третьему незнакомцу:

— Нам удалось записать их разговор в коридоре. По-моему, они говорили о чем-то важном.

— Включайте, — разрешил их руководитель.

Один из вошедших включил аппарат, снятый в коридоре.

Раздалось громкое шипение.

— В чем дело? — недовольно спросил сидевший в кресле. — Опять ничего не получилось?

— У одного из них в кармане был скэллер, — зло пробормотал мужчина, — кажется, повреждена вся лента.

В соседнем номере Кемаль Аслан, продолжая разговаривать со своим юрисконсультom, вдруг написал на листке бумаги: «Кажется, в последнее время наблюдение за мной несколько усилилось. Подключают профессионалов». Льюис, прочитав, достал из кармана сигару, спички, спокойно закурил и поджег записку. После чего кивнул, наблюдая, как пылает бумага. И только после этого сказал:

— Вы всегда казались мне чрезвычайно внимательным человеком, мистер Кемаль Аслан.

— Черт бы вас побрал, — разозлился третий, — опять ничего не вышло.

— Нужно просто арестовать обоих.

— Это вы расскажите их адвокатам, — третий, поднявшись с кресла, направился к дверям и, уже выходя, обернувшись, добавил: — Постарайтесь хотя бы записать их разговор в номере. Хотя подозреваю, что мы не услышим ничего интересного.

И вышел, мягко затворив за собой дверь. В соседнем номере шла неторопливая беседа двух деловых людей, внешне ничем не отличающаяся от любой беседы такого рода. Агенты уныло записывали разговор, уже не надеясь на удачу.

Берлин. 16 января 1991 года

— Мы не согласны, — зло говорил стоявший у моста высокий мужчина в штатском, — это, в конце концов, просто унинительно. Вы предлагаете глупые, нереальные условия.

— Почему, — возражал его собеседник, говоривший по-русски с очень сильным характерным немецким акцентом, — ведь вы все равно должны будете оставить это оборудование и помещения. А мы предлагаем вам хорошую сумму.

— Это вам так кажется. По оценкам ваших экспертов, только оборудование может стоить десятки миллионов марок. Мы не согласны на такую сумму.

— Полковник Волков, — вздохнул немец, — я вас понимаю. У вас есть полномочия от ваших руководителей. Но и у меня есть свои. Поймите: я не могу, не имею права предлагать вам больше, чем мне разрешили.

— В таком случае передайте, что мы настаиваем на той сумме, о которой мы первоначально договаривались. — Волков посмотрел на проезжавший мимо автомобиль. Проехав метров сто пятьдесят, автомобиль остановился, и из него вылезла целая компания молодых, явно загулявших людей. Несколько парней и девушек приехали сюда, на место бывшей Берлин-

ской стены, чтобы снова увидеть это историческое место и набрать камней, уже ставших сувенирами во многих странах мира. Двое молодых людей весело толкали своих спутниц, и те кружили у моста, беспрерывно щелкая фотоаппаратами.

Немец поежился, отворачиваясь от приехавших. Его явно корбило такое отношение молодых людей к недавней трагедии разделенной страны.

— Я передам ваши пожелания, полковник, — сказал он, посмотрев на часы, — но мне кажется, в наших общих интересах договориться побыстрее, пока этого не сделали другие.

— Что вы имеете в виду? — быстро спросил Волков.

— Ничего. Просто мы имеем сведения, что не все в вашей стране согласны с переменами, происходящими в нашей. И мы готовы к любому развитию событий, даже самому худшему.

— Не нужно меня пугать.

— Боюсь, вы не поняли, — вздохнул немец, — это я не вас, это я себя пугаю. В Литве ваше руководство применило спецчасти КГБ и войска. Они сделали то, о чем их просил в свое время Хонеккер в Восточной Германии. Тогда они не захотели выводить из ангаров советские танки. Теперь, видимо, кто-то в Москве решил, что пришло время. И заметьте: это уже не в первый раз. Нам кажется, что в вашем руководстве скоро будут перемены. Отставка Шеварднадзе и события в Литве — очень нехороший симптом. Может оказаться, что нам просто не о чем будет договариваться.

— Это нас не касается, — дернулось лицо у полковника, — меня не уполномочили вести подобные

беседы. Так что мне передать? Вы согласны с нашими условиями?

— Да, — вздохнул немец, — придется согласиться. Я передам ваши пожелания. Учтите, что мы в одинаковой степени заинтересованы сохранить все в строжайшей тайне.

— Поэтому наши переговоры попали в печать? — зло спросил полковник. — Поэтому о них знает уже пол-Европы?

— Что вы говорите? — явно испугался немец. — В какую печать? Мы ничего не сообщали.

— Ваш «Шпигель» опубликовал статью, что советские генералы торгуют оружием и разбазаривают имущество Западной группы войск. Вы не читали статью в ноябрьском номере журнала?

— Это был просто пробный камень, — успокоился немец, — кажется, у вас так говорят. Они решили запустить такую «утку» на основании многочисленных фактов кражи имущества армии вашими солдатами и офицерами. Против руководства Западной группы войск у них пока нет ничего конкретного. Они решили таким образом устроить скандал, в результате которого могут всплыть дополнительные подробности. Скандальная статья, даже без упоминания имеющих фактов, служит как бы резонансом, прелюдией к большому скандалу, и тогда масса свидетелей, решивших, что редакция располагает подобным материалом и кто-то уже опередил их в даче свидетельских показаний, бросается в объятия журналистов, пытаясь продать и свою информацию подороже. Это типичный трюк наших журналистов. Вы можете ни о чем не беспокоиться.

— У нас говорят: дыма без огня не бывает, — угрюмо огрызнулся полковник. — Возможно, проболтались ваши люди.

— Нет, нет, — поспешил успокоить немец, — мы специально все проверяли. У них нет против нас никаких доказательств. Это только начало игры. Не обращайтесь внимания на подобные статьи.

— Стараюсь, — пробормотал полковник, — хотя в последнее время вы нас подводите. В свете начавшихся изменений в мире я бы советовал вам быть поосторожнее.

— Вы про Кувейт? — понял немец.

— И про Кувейт тоже. По моим сведениям, американцы начали сегодня широкомасштабную войну против Ирака. Пока моя страна соблюдает нейтралитет и даже внешне на стороне западной коалиции. Но ведь в Москве все может поменяться.

— Вы думаете, ваше руководство может поддержать Саддама Хусейна? Но ведь это катастрофа! Начнется третья мировая война. Американцы уже не уйдут с Ближнего Востока, пока не освободят Кувейт. Это для них уже вопрос принципа.

— Нет, — ответил полковник, — я не думаю, что дело может дойти до мировой войны. Просто руководство в Москве может несколько подправить свою позицию, и тогда американцы не будут столь нагло и беспардонно вести себя в мире. Вы меня понимаете? При этой ситуации наши войска еще очень долго будут находиться в Германии. И тогда нам придется заново пересматривать весь комплект наших договоренностей. Или еще конкретнее — просто отменить их.

— Вы не верите в быструю победу американцев?

— Нет, в это как раз я верю. При всем своем бахвальстве иракскому лидеру не устоять против объединенной коалиции союзников. Просто не тот уровень противостояния. Когда за спиной Саддама нет сильного союзника, он не продержится. Это очевидно. Но в любом случае нам надо быстрее договориться, — подвел итоги полковник. — О наших переговорах уже знают в Москве. И знают совсем не те люди, которых мы считаем своими союзниками.

— Я вас понимаю, — немец вздохнул. Ему всегда трудно давался разговор с этим угрюмым полковником.

— Все еще может измениться, — мрачным голосом заметил Волков и, показывая на веселящихся молодых людей, добавил: — Может, они и правы, что собирают камни с разбитой стены. Может, вместо этой стены будет другая — еще выше и крепче прежней.

Немец испуганно открыл рот, но ничего не сказал, не решаясь спорить. А полковник, довольный произведенным эффектом, повернулся, чтобы уйти.

— До свидания. — Волков, засунув руки глубоко в карманы пальто, зашагал в сторону своего автомобиля.

Немец смотрел ему вслед и, лишь когда полковник скрылся за поворотом, повернулся и медленно пошел в другую сторону. Он вдруг с ужасом подумал, что его недавний собеседник может оказаться провидцем. И почти с суеверным страхом посмотрел на то место, где на его памяти всегда стояла стена. Эта проклятая для любого немца стена, отделявшая один мир от другого. И редко находились «сталкеры», согласные на опасные путешествия из одного мира в другой. Когда-то немец прочел книгу русских

фантастов Стругацких и решил, что Зоной они называли Западный Берлин, в который так стремились попасть тысячи немцев из восточной части города.

Молодые люди по-прежнему дурачились у моста, не обращая внимания на проходившего мимо незнакомца. Правда, одна из девушек, снимая ночной город, почему-то крупным планом сфотографировала проходившего мимо мужчину. Но это была очевидная случайность, даже расстроившая девушку.

Болгария. София

18—19 января 1991 года

В Софии их встречали два сотрудника американского посольства. Уильям с юмором подумал, что в другие времена эскорт для встречи был бы куда внушительнее и мог состоять из отрядов советских и болгарских контрразведчиков. Крах всей системы стран Варшавского Договора начался с Польши. Как только советское руководство разрешило Ярузельскому провести в Польше действительно демократические выборы, вопрос был решен окончательно и бесповоротно. Может, даже раньше. Он был решен еще в начале восьмидесят девятого, когда Горбачев пошел на первые относительно демократические выборы в СССР и разрешил трансляцию со съезда Советов на весь мир. И мир дрогнул, понимая, что в Советском Союзе происходят действительно небывалые перемены.

Летом восьмидесят девятого мир увидел и второй путь развития социализма. На центральной площади Пекина были безжалостно расстреляны китайские

студенты, осмелившиеся заявить о приоритете демократических прав и свобод в несвободном обществе. Горбачев сделал выводы из этого расстрела. Состоявшиеся в Польше демократические выборы принесли, как и ожидалось, победу «Солидарности», и в социалистической Европе возникло первое несоциалистическое правительство Мазовецкого.

Потом была «бархатная» революция в Чехословакии, где интеллеktуал Гавел возглавил движение двух соседних народов — чехов и словаков — к долгожданному обретению свободы. Наконец, осенью этого года пала Берлинская стена — символ разделения Европы, и буквально сразу, почти через месяц, был расстрелян еще один отживший «динозавр» старой когорты руководителей — Николае Чаушеску. Дольше всех продержался Тодор Живков, но и тому пришлось пройти через горькое разочарование от предательства своих сторонников, измены друзей, публичное унижение, домашний арест и суд, выяснивший внезапно, что за всю свою долгую карьеру и почти сорокалетнее правление страной Живков был виноват в «неправильной раздаче служебных квартир и выдаче материальных пособий чиновникам из партаппарата». Поистине приходится удивляться человеческой породе. Не найдя ничего другого, «демократический суд» осудил человека на основании вздорных обвинений, человека, объективно так много сделавшего для своей страны и жившего по другим законам, в другой системе координат.

И много ли вообще абсолютных диктаторов в истории, которые после четырех десятилетий абсолютного правления могут быть обвинены лишь в подобных нарушениях? «Воистину история — бес-

стыдная девка», — думал Тернер, сидя в машине, направляющейся к зданию американского посольства. Он не любил и не принимал непонятной для любого нормального американца социалистической системы с их непонятными моральными ценностями. Но, как объективный человек, видел, что поднявшаяся волна антикоммунизма в Восточной Европе часто не имела ничего общего с подлинно демократическими устремлениями немногих настоящих демократов. Просто на смену одним коммунистам, лишенным должной гибкости и понимания момента, приходили другие — более беспринципные и ловкие. Или коммунистические догмы менялись на антикоммунистические, и они были одинаково беспощадны к инакомыслящим и колеблющимся.

В посольстве их уже ждали. Из-за сложного положения в городе гостей разместили прямо на квартире одного из дипломатов, находившейся недалеко от посольства. По просьбе Тернера к ним прикрепили автомобиль без водителя. Его спутник Томас Райт неоднократно бывал в Болгарии и мог вполне обходиться без сопровождения американских дипломатов. С огненно-рыжей шевелюрой Томас был похож скорее на немца или чеха, чем на типичного американца. На лице у него были даже веснушки, и в сочетании с курносым носом и крупными глазами это придавало ему какое-то удивленное и одновременно почти детское выражение. Но оно было обманчивым. Томас Райт был не просто прекрасным офицером ЦРУ, владевшим несколькими восточнославянскими языками, он уже успел отличиться в Чехии и Болгарии в прежние годы и имел неплохой опыт для работы в паре с таким профессионалом, как Уильям

Тернер. Они даже не взяли с собой местного резидента ЦРУ, который в это время отдыхал в Италии.

Первый визит уже на следующий день американцы нанесли в институт, где учился Кемаль Аслан.

Райт рассказывал всем, что они американские операторы, приехавшие снимать фильм о добившемся поразительных успехов в их стране бывшем болгарском гражданине Кемале Аслане. Им охотно шли навстречу, показывая документы и ведомости успешной учебы Кемалья в институте. И хотя с тех пор прошло более двадцати лет, многие документы сохранились и были в хорошем состоянии. Не было лишь одного — фотографий Кемалья Аслана. Не удалось обнаружить и его личного дела в архиве института. К удивлению декана, хорошо помнившего своего студента, фотографии Кемалья Аслана не было даже среди архивных документов выпускников института. Правда, после окончания своего курса студенты все-таки сфотографировались вместе, но там была настолько маленькая и плохо узнаваемая фотография Кемалья Аслана, что его невозможно было даже отличить от других сокурсников. Добросовестный Райт переснял эту фотографию, решив, что в лабораторных условиях можно будет увеличить ее до приемлемых размеров.

Целый день в институте не принес более ничего, кроме этой фотографии и пространных рассуждений декана факультета, разглагольствовавшего о пользе горной металлургии в деле укрепления новых болгаро-американских отношений. Уставшие, они возвращались в свое временное жилище.

— Если так пойдет и дальше, мы узнаем много нового, — невесело пошутил Томас, — но, кажется, это нам мало поможет.

— Ты записал адрес, где он жил?

— Это здесь недалеко.

— Давай поедем туда, — предложил Уильям.

— Прямо сейчас?

— Может, хоть там что-то найдем. — Райт свернул в какой-то переулок, съезжая с проспекта. Через полчаса они нашли дом, в котором раньше жил Кемаль Аслан со своей матерью. В результате еще получасовых поисков им удалось найти соседку, знавшую семью Кемалья. Но ничего конкретного узнать не удалось. Мать Кемалья Аслана давно умерла, а сам он после аварии уехал в Турцию к своему дяде. В их квартире давно жили чужие люди. Соседка помнила еще, как они переживали за несчастного парня, попавшего в тяжелую катастрофу.

Уильям с трудом сдерживал негодование, слушая женщину. Он понимал, что ничего конкретного здесь узнать не удастся. Но, терпеливо слушая перевод пунктуального Райта, пытался найти рациональное зерно в словах старой женщины. И вдруг...

— Где он лежал? — спросил Тернер, поймав новую мысль.

Райт спросил и получил ответ, добросовестно переводя название больницы.

— Все, — сразу же поднялся Тернер, — поблагодари эту женщину. Скажи, продолжение ее истории мы выслушаем в следующий раз.

Когда они снова сидели в машине, Райт осторожно спросил:

— Вы что-то решили?

— Завтра едем в эту больницу, — кивнул Тернер, — мне интересно, как он так быстро выздоровел. После комы. И сразу стал финансовым гением. И немного шпионом.

— Мне говорили, что после комы бывают изменения, — заметил Райт.

— В худшую сторону, — возразил Тернер.

— Может, он стал гением после удара, — пошутил Райт.

— Вот мы это и проверим. Судя по рассказу соседки, он лежал там несколько месяцев. Значит, должны остаться врачи, санитары, люди, которые его помнят. История его болезни. Завтра едем в эту больницу, — решительно закончил Тернер.

На следующее утро выпал снег, и им пришлось долго добираться до больницы, дороги были завалены снегом. В больнице пришлось ждать приема у главного врача. Их принял пожилой человек лет шестидесяти пяти. Это был главный врач больницы Бонев.

— По какому делу вы приехали, господа? — спросил главный врач. — Мне передали, что вы прилетели из Америки и хотите узнать историю болезни одного бывшего нашего пациента.

— Да, — подтвердил Уильям, когда Томас перевел ему на английский слова врача, — мы хотели бы более подробно узнать историю болезни лежавшего у вас пациента. Он был в довольно тяжелом состоянии, но сумел выжить. И даже восстановить работоспособность.

— Кого именно? — спросил Бонев.

— У вас лежал больной Кемаль Аслан. В настоящее время он американский гражданин, — сказал Тернер, наблюдая за реакцией своего собеседника.

Тот вздрогнул. Или Тернеру показалось, что Бонев вздрогнул?

— Почему именно этот пациент вас интересует?

— Он лежал в вашей больнице семнадцать лет назад, — сказал Тернер, — и тогда ему удалось восстановиться после тяжелейшей аварии. Мы снимаем о нем фильм и хотели бы знать более подробно об этом случае.

Врач внимательно слушал.

— Согласитесь, история интересна сама по себе, — продолжал Тернер, внимательно наблюдая за сидевшим напротив пожилым врачом, — этнический турок, родившийся в Америке и переехавший затем в Болгарию, попадает в тяжелую автомобильную катастрофу, впадает в кому, врачи чудом спасают ему жизнь. А затем он приходит в себя, переезжает к родственникам сначала в Турцию, а затем в Америку и становится крупным бизнесменом. Прямо американская мечта. Материал так и просится на пленку.

— Что вам конкретно нужно? — спросил врач.

— История его болезни, воспоминания его лечащих врачей, может, какие-нибудь подробности из истории его жизни, — невозмутимо заметил Тернер, слушая, как Томас Райт переводит его слова.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Бонев, — историю болезни вы можете прочесть в кабинете моего заместителя. Я попрошу, чтобы вам принесли ее. Поговорить с врачами вряд ли возможно. Некоторые заняты на операциях, а один из наблюдавших его врачей умер восемь лет назад.

— Кто делал ему операцию? — спросил Райт.

— Я, — спокойно ответил Бонев. Глаза за толстыми стеклами очков смотрели строго и спокойно. Или его уже ничего не могло взволновать?

— Вы можете вспомнить какие-нибудь подробности? — оживился Томас, задавая вопрос уже от себя.

— Все есть в его деле, — сухо заметил Бонев. И Томас исправно перевел его слова.

— Тогда мы не будем вам мешать, — почему-то сразу сказал Уильям, и сидевший рядом с ним Райт даже удивленно оглянулся на своего шефа, проверяя, правильно ли он понял эти слова. Бонев кивнул, давая понять, что разговор закончен. Он не подал на прощание руки, только встал из-за стола, когда иностранцы выходили из кабинета.

Томас тихо спросил Уильяма:

— Почему вы так быстро закончили разговор? Старик мог рассказать нам много интересного. Мне кажется, можно было расспросить его подробнее.

— Нет, — покачал головой Уильям, — не подойдет. Главный врач из той когорты старых коммунистов, которые не любят изменять своим идеалам. Для него мы представители того самого мира, который они так не хотели принимать и который, в конце концов, победил их систему. Я могу заранее сказать, что мы ничего не найдем в медицинских документах нашего подопечного. Ничего необычного. А врачи нам ничего не расскажут. Да и сам Бонев не отличался особой словоохотливостью.

— Тогда зачем мы сюда приехали? — не сдавался Райт.

— Мне важно было знать, как именно была проработана схема отправки Кемалю Аслана в нашу стра-

ну. Конечно, он работает на русских, но мы пока не знаем ответа на главный вопрос, который нам поставили. Он настоящий турок, и КГБ, используя его несчастную жизнь, лишь вынудил работать на них, или это советский офицер-нелегал, которого мы можем арестовать только на основании незаконного въезда в нашу страну? Хотя боюсь, что в больнице мы ничего не узнаем. Но зато увидим документы. Это очень важно.

Они прошли по коридору, и приветливая секретарь Бонева проводила их в кабинет, расположенный напротив кабинета главного врача. Почти сразу им принесли большую папку, заполненную документами и фотографиями.

Райт бросился листать фотографии. Потом поднял голову и посмотрел на спокойно сидевшего Уильяма Тернера.

— Я понял, — сказал он очень тихо, — я все понял. Если дело в такой сохранности находилось целых семнадцать лет, значит, кто-то был в этом заинтересован.

Тернер кивнул головой.

— Здесь вся история болезни, — показал на документы Томас, — есть и фотографии больного. Хотите, я сделаю снимки?

— Как хочешь, — ответил Тернер, — думаю, они совпадут с фотографиями нашего клиента.

— Он лежал в коме несколько месяцев, — продолжал читать Райт.

— Выпиши сроки, обрати внимание на фамилии всех врачей. Бонева мы уже знаем. Кто другие? Может, среди них были и молодые люди. И проследи, как быстро проходило его восстановление.

Райт исправно записывал все данные.

Сидевший в своем кабинете Бонев долго молчал, глядя в зеркальную поверхность стола, обхватив голову руками. Затем, словно приняв какое-то важное решение, поднял трубку телефонного аппарата и набрал чей-то номер. Затем сказал:

— Это говорит Бонев. Они сегодня приходили ко мне.

— С кем они встречались? — спросил его собеседник.

— Кроме меня, ни с кем. Сейчас они в больнице, изучают дело нашего бывшего больного.

— Спасибо, товарищ Бонев. Держите и дальше нас в курсе. Думаю, они выйдут на лечащего врача. Действуйте как договорились. До свидания.

— До свидания. — Бонев положил трубку и вытер потное лицо. Впервые в жизни он чего-то боялся, словно делал нечто недостойное и подлое. Но не позвонить он просто не мог. И это он отлично сознавал.

Берлин. 20 января 1991 года

Он ехал в своем «БМВ», часто останавливаясь на перекрестках даже тогда, когда это не было вызвано необходимостью. Наблюдая за спешившими позади его автомобиля машинами в зеркало заднего обзора, он пришел к выводу, что может наконец ехать совершенно спокойно. И все-таки еще дважды до назначенного места он проверял, убеждаясь, что за ним никто не следит. И лишь подъехав к нужному ему дому, быстро запер автомобиль и поспешил к подъезду, набирая нужный код. Дверь автоматически открылась, и он вошел в подъезд. Оказавшись в лифте, он нажал вызов нужного ему этажа. Лифт бесшумно

заскользил наверх и остановился на четвертом этаже. Незнакомец вышел из лифта и, подойдя к дверям квартиры, трижды позвонил. Дверь открылась почти сразу.

— Привезли? — спросили его вместо приветствия, и незнакомец вошел в квартиру, доставая из кармана конверт.

В просторной гостиной сидели трое. Двое из вальяжно расположившихся на диване господ хотя и были одеты в дорогие модные костюмы, однако те сидели на них неловко, так что чувствовалось: в военной форме генералов они смотрелись бы гораздо лучше. Они и были генералами. На третьем штатский костюм сидел гораздо лучше. Он и открыл дверь, протягивая левую руку за конвертом. Получив конверт, поспешно вскрыл его, достал листок бумаги. Только прочитав написанное, он наконец облегченно вздохнул и громко сказал:

— Все в порядке. Это то, что нам нужно.

— Полковник Волков, — обратился к прибывшему один из сидевших на диване — полный высокий мужчина с опухшим, одутловатым лицом, — надеюсь, вы нигде не останавливались?

— Нет, товарищ генерал, — заявил полковник, проходя в комнату. Сняв пальто и шляпу, он бросил их в прихожей, а затем, не спрашивая разрешения у сидевших на диване генералов и не обращая внимания на третьего генерала, стоявшего у дверей гостиной, спокойно уселся в кресло. — Я же говорил, что они согласятся на наши условия.

— Это только начало, — заметил стоявший в дверях генерал.

Он был левшой и поэтому, когда брал конверт, протянул левую руку. Генерал Сизов был представителем Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР в Германии и привык ходить в штатском костюме. Оба других генерала входили в командование Западной группы войск и больше привыкли к своим военным мундирам. Но в интересах безопасности операции все трое приехали на эту квартиру, переодевшись в штатское. Полковник Волков был сотрудником особого отдела, давно выполнявшим наиболее щекотливые поручения командующих Западной группы войск СССР в Германии.

— Вы посмотрели? — спросил первый генерал у Сизова. — Там правильно указаны все данные?

— Не беспокойтесь, — чуть улыбнулся Сизов, — я немного понимаю в банковских документах. Деньги переведены точно по счету. Теперь наша задача раздробить их и перевести на счета каждого. Это уже не так сложно.

— Надеюсь, — проворчал другой генерал. Он был представителем авиации и имел менее расплывшееся лицо, чем его армейский коллега. Может, потому, что иногда, вспоминая молодые годы, садился в кабину самолета.

— Это ваша задача, — почти приказным тоном заметил армейский генерал, — как и куда переводить деньги. Мы делаем свое дело. Остальное нас не касается.

— Конечно, — сразу согласился Сизов, — все будет так, как мы договаривались.

— Хорошо, — армейский генерал тяжело поднялся с дивана. За ним встал и другой. Полковник нехотя

поднялся с кресла. Наглеть абсолютно не входило в его планы. Видимо, это понял и армейский генерал.

— Ну-ну, — сказал он, снисходительно улыбнувшись. — Смотри не перестарайся, — и вышел из гостиной, забирая свое пальто. За ним поспешил и его коллега из авиации. Он ничего не сказал, просто кивнул. Когда за ушедшими закрылась дверь, Сизов нахмурился.

— С ума сошел совсем. Что себе позволяешь? — спросил он у Волкова.

— А пусть знают, гниды, что они такие же воры, как я, — отрезал Волков, снова усаживаясь в кресло. — Строят из себя героев, а сами проморгали все, в рот Горбачеву смотрели, когда он Германию сдавал, и все время поддакивали. А теперь норовят поскорее все распродать. Не люблю я их.

— Ты дурака не валяй, — заметил Сизов, — свою нелюбовь при себе держи. Они старше тебя по званию. Ты в их присутствии дерьмо подбирать должен, а ты строишь из себя Штирлица. Я тебе оторву яйца, чтобы ты понял, с кем дело имеешь.

— Ладно, — нехотя сказал Волков, — больше не буду.

— И вообще больше не приезжай сюда, — жестко приказал Сизов, — твоя рожа здесь всем знакома. Наверное, соседи уже с тобой здороваются.

— Я по ночам приезжаю, — заметил Волков, — не нужно делать из меня дурака. Я все-таки столько лет работаю.

— А ведешь себя как дурак. Узнал наконец, кто из твоих людей проболтался?

— Нет, — отвернулся Волков, — ищем пока. Ничего не нашли.

— И документов нет?

— Нет. При нем их не было. Мы даже его автомобиль осмотрели.

— Дурак ты, Волков, — снова сказал генерал, проходя к столику, где стояло несколько бутылок. Выбрав водку, он налил себе небольшую рюмку и залпом выпил. Потом сел на диван.

— Не понимаю я вас, особистов. Как вы работаете? Столько лет в Германии, а ничего сами не можете. И этот прокол с резидентом КГБ. Ну откуда Валентинов мог узнать про твои переговоры? И какой ты, к черту, особист, если приехавшая «шляпа» из Москвы узнает все через несколько дней. Значит, это его агентура работает лучше, а не твоя.

— Ничего себе «шляпа», — заметил для порядка Волков, — он был полковником КГБ. У них есть своя агентура в Германии, особенно в Восточной зоне, вы ведь лучше меня это знаете. Наверное, вышел на нас через своих агентов.

— Которых ты пока не знаешь, — заметил Сизов, — и мало того что не знаешь, но и не хочешь узнать. Что за дурацкая идея была с убийством Валентинова в Праге? Почему вы не можете работать нормально? Только арестовать или убить — вот ваши методы. Да и то, пользуясь услугами дешевых солдатских стукачей, которые не хотят вкалывать на дембелей и предпочитают более легкую жизнь. О чем еще с тобой можно после этого говорить? Устроил стрельбу в центре города, убрал резидента КГБ. Думаешь, там все такие же дураки, как у вас в военной контрразведке? Я не сомневаюсь, что скоро прилетят их люди расследовать это убийство. Уже наверняка сидят в Праге. Там хоть не наследили?

— Мои люди умеют работать, — обиделся Волков, — мы тоже не в игрушки играем.

— Это ты Крючкову расскажешь, когда он тебя допрашивать будет. Зачем нужно было стрелять в Валентинова? Можно было проследить его связи, выяснить, с кем конкретно из агентов он встречался, узнать о наличии его агентуры. Так нет. Сразу стреляете в спину.

— У нас есть запись их беседы со связным, — хмуро заметил Волков, — ему приказали срочно вылетать в Софию, а оттуда в Москву. Мы прослушали разговор специально нацеленным микрофоном. Эта последняя разработка позволяет слушать разговор на расстоянии километра от места встречи говорящих.

— Тоже мне, разработка, — улыбнулся генерал ГРУ, — я тебе потом наши приборы покажу. Они по колебанию оконных рам весь разговор записывают. Новейшие установки отдают сначала в разведку, к нам, а уже потом передают вам для прослушивания пьяных разговоров наших офицеров и генералов, ругающих Советскую власть и вас больше всего на свете.

Волков ничего не ответил.

— Где запись разговора? — спросил Сизов.

Полковник достал из внутреннего кармана пиджака небольшой магнитофон и включил его.

«— Как дела? — слышался голос связного.

— Это я должен спрашивать, — пробормотал Валентинов, — может, вы наконец объясните столь срочный вызов? Я бросил все свои дела, чтобы примчаться сюда.

— Правильно, — сказал связной, — получен новый приказ из Москвы. Срочно сворачивайте всю работу

и выезжайте в Болгарию, оттуда можете вернуться в Москву, вам будут подготовлены соответствующие документы».

Сизов нахмурился. Волков усмехнулся и, поднявшись с кресла, прошел к столику, налил себе немного виски. За время, проведенное в Германии, он приучился к этому крепкому напитку.

«— В Болгарию, — усмехнулся Валентинов, — у них такой же бардак, как и везде. Раньше из Западной Европы ездили через ГДР или Чехословакию. Новые времена?»

— Мне не поручали обсуждать с вами такие детали, — быстро ответил связной.

— Конечно, не поручали. Значит, конец. Передайте, я все понял. Завтра утром вылетаю в Софию. Канал связи прежний?

— Да».

«Кажется, эти типы были правы», — огорченно подумал Сизов. У них действительно не было другого выхода. Он уже ждал, чтобы Волков выключил магнитофон, когда снова раздался голос резидента:

«— Вас что-то беспокоит?»

— Нет-нет, ничего. Просто мне хотелось бы поскорее закончить нашу встречу. Что у вас по нашей группе войск в Германии? Вы подготовили все документы?»

— Да, конечно. Я возьму их с собой. Очень неприглядная картина».

— Стоп, — быстро приказал Сизов, — перемотай еще раз, я послушаю. Какая картина?»

— Неприглядная, — явно наслаждаясь произведенным эффектом, заметил Волков, — а вы говорите, что мы не умеем работать.

Сизов махнул рукой, уже не обращая внимания на слова полковника. И снова услышал: «очень неприглядная картина». И ответ связного, огорчивший его более всего остального:

«— Я передам в Москву. В Софии вас будут ждать.

— Прощайте.

— Прощайте. Желаю успехов».

Лента закончилась.

— Все? — спросил Сизов.

— Все, — подтвердил Волков.

— Связного вы отпустили?

— А вы хотели, чтобы мы и его убрали? — спросил полковник.

— Не говори глупостей, — нахмурился генерал, — я всегда был против ваших методов работы. Но где эти документы? Куда он их дел?

— Мы их не нашли.

— Он сказал: «Завтра выезжаю в Софию и возьму документы с собой». Значит, документы были с ним в Праге. Нужно было более тщательно осмотреть его автомобиль.

— Мы смотрели. Там их не было.

— Может, твои люди их просто не заметили?

— После нас смотрели специалисты чешской криминальной полиции. Они тоже ничего не нашли, — стараясь не реагировать на нервное состояние генерала, терпеливо ответил Волков.

— Нужно было выяснить, где он жил, и посмотреть в его номере, — пробормотал Сизов.

— Тоже сделали, — сказал Волков, — обыскали номер в отеле. Все просмотрели. Документов там никаких не было. С собой он их, конечно, не брал. Во